

фонетико-морфологические варианты, обусловленные иноязычной адаптацией: *-mVš*, *-mVž*, *-mša*, *-mža* и др. Во-вторых, интересно было бы изучить ареальную картину соотношения топонимического форманта *-mVš* с другими пермскими детерминантами, особенно с древнепермским *-va* 'вода'.

Пока автор развернул лишь начальную картину топонимического поиска «пермян» на землях к востоку от Северной Двины — в надежде, что эта линия исследований получит продолжение.

В ПОИСКАХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ГРАНИЦ

Е. В. ЗАХАРОВА, А. А. МАКАРОВА, И. И. МУЛЛОНЕН

Топонимия Белозерья представляет собой многослойное явление. С одной стороны, в ней ярко представлены севернорусские топонимические типы, связанные с новгородским освоением Белозерья и последующим расселением здесь восточных славян. С другой стороны, в сохранившихся субстратных названиях региона присутствуют следы предшествующих финно-угорских этнических групп: прибалтийско-финских, саамских, а на юге, вероятно, и волжско-финских. Тем самым субстратная топонимия позволяет ставить вопрос о выявлении зон былого проживания финно-угорских народов на территории Белозерья и о предполагаемых границах между этими зонами.

В данном параграфе рассматривается юго-западная часть Белозерского района, окружающая оз. Андозеро, а именно территория Панинского сельского поселения (севернее оз. Андозеро) и Визьменского сельского поселения⁵⁷ (южнее оз. Андозеро). Выбор территории окрестностей Андозера обусловлен тем, что именно здесь, судя по некоторым свидетельствам, может проходить граница, разделяющая зоны субстратной топонимии прибалтийско-финского происхождения и субстратной топонимии волжско-финского типа, определяемой предварительно как «мерянская». Вероятно, наличие этой границы было обусловлено местоположением озера Андозеро — оно, с одной стороны, расположено в верховьях реки Андоги, входящей в волжский бассейн, а с другой стороны, находится в соседстве с вепсской территорией. Ближайшие вепские поселения располагаются в 70 км к северо-западу от Андозера.

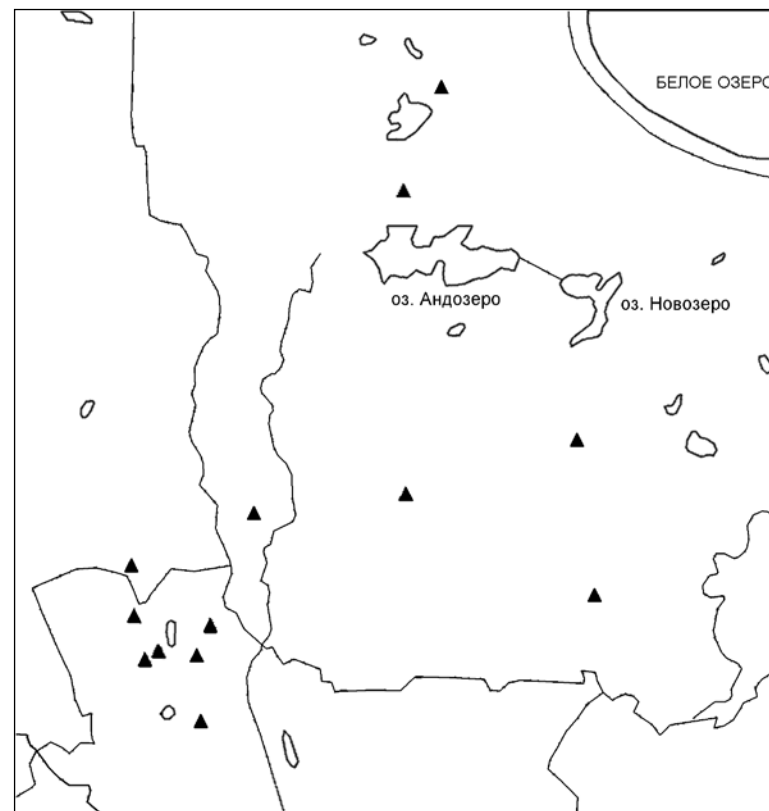
⁵⁷ Включает территории бывших Визьменского и Георгиевского сельских советов.

В силу значительного объема и неоднородности субстратного материала мы сосредоточим внимание только на анализе детерминантов сложных топонимов, восходящих к ландшафтным терминам субстратного происхождения. Массовость и регулярность, а также возможность ареализации делают этот класс топонимов наиболее надежным источником реконструкции субстратных языков Белозерья. Поскольку некоторые из детерминантов, представленных в топонимии белозерского региона, рассматривались ранее [Чайкина, 1977; Субботина, 1987; Матвеев, 2001; и др.], мы остановимся на тех из них, которые либо не попали в поле зрения исследователей, либо были проанализированы недостаточно подробно.

Прежде всего, в топонимии исследуемой территории выделяется ряд географических терминов, которые имеют сугубо локальный характер, т. е. распространены только на территории Белозерья и тем самым могут прямо связываться с местными субстратными языками. Некоторые из таких терминов восстанавливаются только по детерминантам субстратных топонимов:

-гумзь/-гумузь (-гумец, -кумец и другие фонетические варианты): б. д. *Везгум* (в ранних письменных источниках приводится вариант *Везгумз* [Копанев, 1951: прил. 3]); б. д. *Дьяргумузь*; б. д. *Лилигумзь*; б. д. *Лугумзь* (*Лыгумец*); б. д. *Музгумзь* (*Мызгумец*); б. д. *Пергумзь*; д. *Перкумзь* (*Перкумец*); б. д. *Пигумзь* (*Пигумец*, *Пизгумец*); б. д. *Редумузь*; уроч. *Селькумец* (гора, уроч., угодье *Челькумец*); б. д. *Сятрумзь* (*Сятрумец*, на карте Белозерского уезда 1865 г. [Новгородский сборник, 1: 55] деревня обозначена как *Сятругумсь*); б. д. *Фекумузь*, лес *Ближний Фекумузь* и *Дальний Фекумузь*; б. д. *Шёлгумзь* (*Шолгумец*, *Шолгумзь*)⁵⁸ — ср. фин. *halme*, карел., люд. *halmeh*, вепс. *haimeh*, *haimez*, *houimeh* ‘пожог (поле в лесу)’, ‘растущие на пожоге хлеба’ [SSA, 1: 133]. Наиболее плотный ареал детерминанта локализован юго-западнее оз. Андозеро: между реками Шогда и Мига; отдельные названия отмечены также южнее и севернее оз. Андозеро (см. карту 1).

⁵⁸ Более широкий ряд топонимов этого типа, включая восстановленные названия, приводит Л. А. Субботина [1987].

Карта 1. Ареал топонимов с детерминантом -гумзь/-гумузь в Белозерье

А. К. Матвеев включает в рассматриваемую группу названия *Пажгум* и *Петкум*, предполагая для детерминанта вепсские истоки [Матвеев, 2001: 214]. При этом, однако, встает вопрос о возможности интеграции приб.-фин. *al* (> вепс. *ai* > *oi*) в русские говоры в виде *y*, особенно с учетом того, что дифтонги *ai* и тем более *oi* в вепсском языке являются поздними [см.: Tunkelo, 1946: 608–619, 434–435], тогда как топонимы на -гумзь фиксируются уже в середине XVII в. [Копанев, 1951: прил. 3]. Кроме того, вопрос о происхождении данной группы названий осложняется

тем, что в представленных примерах лишь некоторые топоосновы могут этимологизироваться на основе данных вепсского языка: б. д. *Дьяргумузь* — ср. вепс. *d'ärv* 'озеро' [СВЯ: 71] (в настоящее время местность вокруг обозначенного объекта сильно заболочена, т. е. не исключено, что раньше деревня располагалась на берегу озера); б. д. *Пергумзь* — ср. вепс. *pera* 'задний, противоположный конец какого-л. пространства' [Там же: 408]; б. д. *Редумузь* — ср. вепс. *redu* 'грязь' [Там же: 466].

Примечательно, что рассматриваемый термин представлен главным образом в названиях деревень — именно это позволяет соотносить его с прибалтийско-финскими (вепсскими) данными, отражающими сельскохозяйственную семантику слова. При этом формы *-гумец*, *-кумец*, по-видимому, являются поздними вариантами детерминанта, а в названии *Сятрумзь* утрачен согласный *г* и в русифицированном варианте осталось только *-умец*.

Еще одним локальным термином, образующим в Белозерье плотный ареал, является топоним **солово*, выступающая в качестве детерминанта сложных названий, которые именуют в основном острова леса на болоте.

-солово: о-в леса на бол. *Андосолово*; лес на бол. *Баксолово* (*Бассолово*); о-в леса на бол. *Ваньгасолово* (*Вангосово*); пок. *Воросолово*; о-в на бол. *Карсолово*; о-в на бол. *Катсолово*; о-в на бол. *Ке(й)басолово*; о-в леса на бол. *Корсолово* (*Коршелево*); о-в леса на бол. *Кудьмасолово*; о-в леса на бол. *Ку(л)масолово* (*Куммасолово*); о-в леса на бол. *Маньшолово Остров*; пок., поле, уроч. *Матвосолово* (*Матросолово*); о-в леса на бол. *Норносолово* (*Норсолово*); «Остров на болоте, гористый сухой остров, его пахали и сеяли» — Баб, Пожара); лес, уроч. *Обсолово*, пок. *Обсолова Суша*; о-в леса на бол. *Патсоловик* (*Паксоловик*); о-в, лес, оз., пок. *Руссолово*; о-в на бол. *Рыксолово*; о-в леса на бол. *Сниксолово*; о-в леса на бол. *Хобарсолово* (*Хобосолово*); д. *Чёлсолово*; б. д., о-в на бол. *Чёносолово*; о-в леса на бол., пок. на бол. *Шаймасолово* (*Шаймашолово*); о-в леса на бол. *Шаньшолово*; оз., пок., поле *Ярсолово* — ср. фин. *salo* 'большой лес, тайга', 'островок леса', 'большой остров', ливв. *šalo*, *salo*, люд. *salo* 'глухой лес', эст. *salu*

'лесок, роща; островок на болоте', 'холм, находящийся на болоте' = саам. Луле *suolō*, *suolōv*, норв. *suolo*, кильд. *siel* 'остров' (в норвежско-саамском языке и диалекте Луле также 'островок на болоте', 'островок леса') < балт. [SKES: 956]. К представленным в этих примерах формам детерминанта фонетически наиболее близки саамские данные, особенно лексема *suolōv* диалекта Луле [Матвеев, 2001: 225].

Рассматриваемая группа топонимов представляет собой наиболее значительное скопление названий на *-солово* на территории Русского Севера: все они локализованы в треугольнике, образуемом реками Шогда и Андога до впадения их в р. Суду, т. е. их основной ареал совпадает с ареалом топонимов на *-гумзь/-гумузь* (см. карту 2).

Отдельные названия на *-солово* отмечены вблизи границ исследуемой территории: западнее — погост *Ваксолово* (басс. р. Вандица > р. Суда), к северу и северо-западу от Белого озера — бол., оз. *Рихасолово* (басс. р. Шола) и лес, уроч. *Полсолово* (басс. р. Кема). Два топонима засвидетельствованы на берегу оз. Воже: пок. *Боксолово* (*Воксолово*) и бол. *Рыксолово* (Кирил). Кроме того, несколько единичных названий на *-солово* зафиксировано за пределами Белозерья.

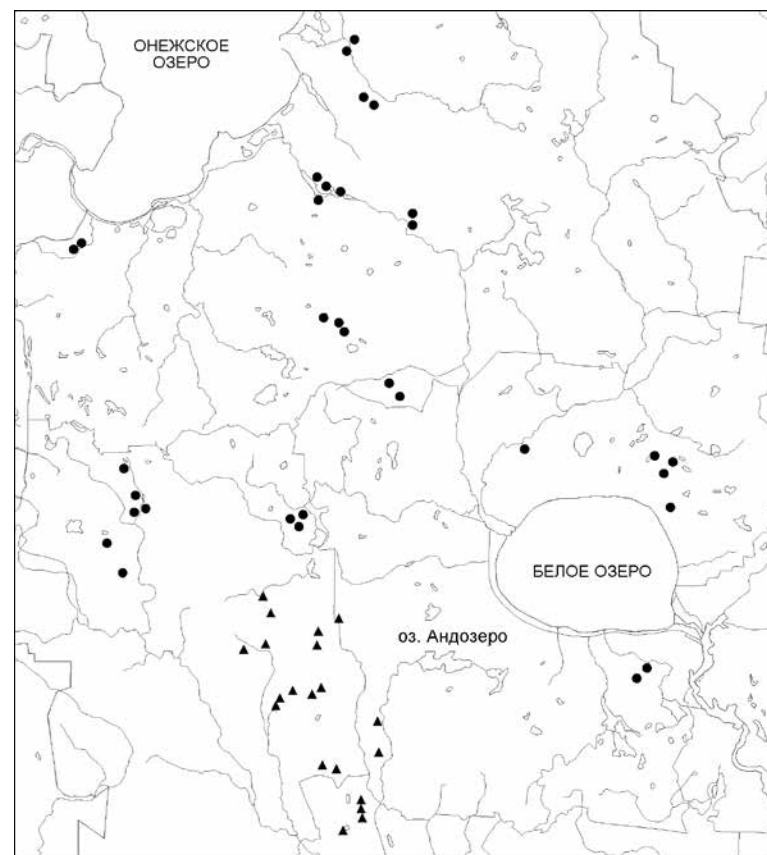
Что касается основ данной группы топонимов, то этимологическую интерпретацию можно предложить лишь для нескольких: *Патсоловик* (*Паксоловик*) — ср. фин., карел. *pato*, вепс. *pado* 'плотина, запруда' [SSA, 2: 324]; *Шаймасолово*, ср. *шайма* 'топкое, заросшее мхом болото' (Бел, Ваш, Кирил) [КСГРС], 'болотистое пространство, покрытое чахлым мхом' (Бел) [Тихомирова, 2009: 358], олон. *шайма* 'низкое болотистое место' [Куликовский, 1898: 135] — ср. вепс. *šaim* 'болото с мелким лесом' [СВЯ: 542] (слово, однако, не имеет параллелей в прибалтийско-финских языках, и у него нет надежной этимологии [см.: Мызников, 2003: 301–302]); *Ярсолово* — ср. вепс. *järv* 'озеро' [СВЯ: 97]. Кроме того, для части названий мотивирующими основами могли выступать наименования рек, по берегам которых были расположены объекты (ср.: *Андосолово* на берегу р. *Андога*, *Кудьмасолово* на берегу р. *Кудьма*).

Показательно, что топонимы с детерминантом *-солово* составляют ареальную оппозицию прибалтийско-финской модели с детерминантом *-сарь* (ср. вепс. *sar'* 'остров (в озере, реке)', 'отдельно стоящий лес (обычно хвойный)' [СВЯ: 497]), образующей ареал на смежной территории, которая расположена к северу – северо-западу от территории исследования: *Койсарь*, *Палансарь*, *Персарь*, *Пиксарь*, *Сосарь* и др. Ареальная оппозиция указанных моделей позволяет предполагать, что южная граница бывшего вепсского расселения проходит в верховьях р. Суды, где фиксируется довольно обширный пласт вепсских субстратных топонимов [Муллонен, 2012в: 17–19], в то время как на юго-западном побережье Белого озера, вокруг оз. Андозеро и на прилегающих территориях, вепсский субстрат выражен не столь ярко на фоне довепсского финно-угорского топонимического пласта. Картографирование материала и выделение ареалов топонимических моделей наглядно подтверждают это предположение (см. карту 2).

Несколько иную ситуацию демонстрируют топонимы с детерминантами *-лойда* и *-похта*. В указанных формах эти детерминанты также представлены только на территории Белозерья, однако в виде *-лайда* и *-пахта* они имеют четкие параллели в топонимии прибалтийско-финского типа северо-западнее и севернее Белозерья. Кроме того, данные термины фиксируются не только в составе субстратных топонимов, но и в самостоятельном топонимическом употреблении (*Лойда*, *Похта*), а также, с некоторыми оговорками, в качестве субстратного наследия в лексике севернорусских говоров.

-лойда: д. *Имолойда*; б. д. *Кызголойда* (*Кызголода*, *Кызглойда*; в списке деревень 1940-х гг. *Козголода*); б. д. *Кыргода* (*Кыргоды*); куст деревень *Лойда*, б. д. *Лойдица*; д. *Перхлойда* (*Перхода*); д. *Шигодские* (в списке деревень 1940-х гг., входивших в Георгиевский сельсовет, значится д. *Шиглойда*); б. д. *Ярглойда* (*Яргода*; «*Лройда* — глинистое место, горы и болото кругом» — Баб, Пожара).

Детерминант *-лойда* фиксируется исключительно в названиях деревень. А. К. Матвеев возводил его к приб.-фин. *laita* 'середина озера или реки, открытое пространство', мотивируя этимологию тем, что селения располагаются на краю

Карта 2. Ареалы топонимических моделей на *-солово* и *-сарь* в Белозерье

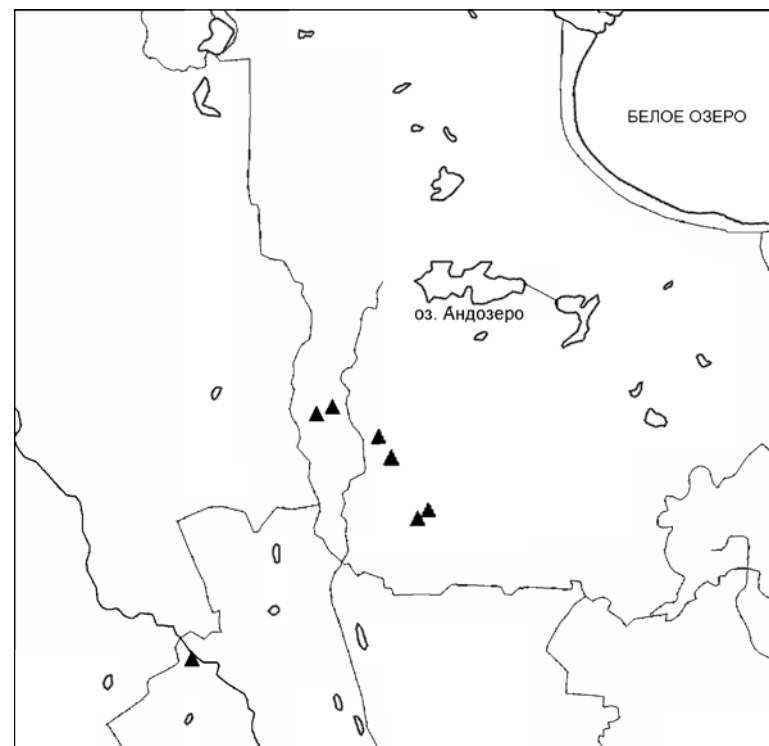
▲ — топонимы с детерминантом *-солово*
● — топонимы с детерминантом *-сарь*

глубоких болот, бывших прежде озерами [Матвеев, 2001: 232]. Учитывая местоположение указанных деревень (ныне почти все они заброшены) на возвышенностях, своего рода «островах», возвышающихся среди обширных болот, можно предполагать, что в основе названий лежит фин., карел. *laita*, вепс. *laid* 'край, бок, конец'. Этимология в данном случае основывается на том,

что в финно-угорских языках известна модель семантического развития ‘край, конец’ → ‘гора’, ср. приб.-фин. *surjä*, которое бытует, с одной стороны, в значении ‘бок, край, конец’, с другой — в значении ‘горка, холм, возвышенность’, саам. *čorrut* ‘расположенный боком’ и *čorri* ‘вершина холма’ [Álgu], саам. *čuollot*, *čuolo* ‘расположенный боком’ восходит к прасаам. **čōlō* ‘крутой’ [Lehtiranta, 1989: 28–29; Álgu]. В эту модель хорошо укладывается как белозерский субстратный детерминант *-лойда*, так и известное в вытегорских говорах нарицательное *лайда* ‘остров’ [СРГК, 3: 91]. Отражение приб.-фин. *a* в виде рус. *o* может быть связано с ранним временем заимствования лексемы [Матвеев, 2001: 133].

Все топонимы с детерминантом *-лойда* локализованы в треугольнике, образуемом реками Шогда и Андога до впадения в Суду (см. карту 3), тогда как ареал распространения термина *лайда* в топонимии Русского Севера, будучи достаточно разреженным, охватывает побережье Белого моря (в дельте Северной Двины, в устье Мезени и в Карелии, в районе Сумострова), бассейны Пинеги и Уфтыуги, Кенозерье и бассейн Вытегры до впадения в Онежское озеро.

Термин *лайда*, чаще всего встречающийся в названиях заболоченных мест, островов и покосов, фиксируется в самостоятельном топонимическом употреблении (Выт, К-Б, Мез, Пин, Прим), в составе топонимов-словосочетаний (пок. Демидова *Лайда* (Пин), место на берегу *Пимушкова Лайда* (К-Б)), а также в качестве атрибутивного элемента составных названий (*Лайдакорба* (Выт), *Лайдаламбина* (Сегеж)). Виды объектов, в названиях которых выступает рассматриваемый термин, а также географическая характеристика некоторых из них (расположение на краю, в стороне от более крупного объекта или основных путей) позволяют предполагать для него прибалтийско-финские истоки, ср. фин., карел. *laita*, вепс. *laid* ‘край, бок, конец’. «Боковая» семантика термина отражается и в карельских топонимах, ср. названия *Laidaguba* (Суоярв), *Laidaoja* (Кем), *Laidasuuri* (Мыез), *Laidniemi* (Мыез), *Ristanlaida* (Питкярант), *Savikkolaida* (Олон) и др. На этом довольно широком фоне просматривается безусловное своеобразие реконструированного белозерского термина.

Карта 3. Ареал топонимов с детерминантом *-лойда* в Белозерье

Ландшафтный термин *пoxта* в топонимии юго-западного Белозерья фиксируется в качестве детерминанта (д. *Пельпoxта*, варианты *Пельпахта*, *Перпахта*, *Перпoxта*), в самостоятельном топонимическом употреблении (бол. *Похта*) и в составе топонимов-словосочетаний (место на оз. *Родионова Похта*, бол. *Савкинская Похта*). Кроме того, в говорах Русского Севера известно *пoxта* ‘болото’ (Бел, Выт), ‘топкое, зыбкое место на болоте’ (Бел, Ваш, Выт, Пин), ‘низкий заболоченный берег реки или озера, топкое место около озера’, ‘обмелевшее и заросшее травой озеро’, ‘болотная кочка, которая держится на воде, как плавучий островок’ (Бел), ‘болото, заросшее травой’ (Ваш), ‘болото, поросшее мелким лесом’, ‘окно воды на болоте’

(Бел, Ваш), ‘заболоченное место, сырая низина’ (Баб, Бел, Ваш) [КСГРС], ‘более высокое место в болотистой местности, на котором растет мох’ (Бел) [СРГК, 5: 124].

Вероятно, в этом же ряду следует рассматривать архангельский термин *пахта* ‘болото (сырое и сухое, заросшее и не заросшее травой, кустарником, лесом)’, ‘покос на болоте’, ‘заросшее русло реки’ [Топонимика Кенозера, 2: 19], ‘болото, лишенное растительности’ (В-Т, Пин, Холм), ‘мох, растущий на деревьях’ (Вель, Лен, Пин, Шенк), ‘нарост на стволе’ (Пин), ‘торф’ (Холм), а также *пухта́* ‘узкий залив озера, небольшая бухточка’ (Карг), ‘мох на старых елях’ (Уст), *п́ухта* ‘снег на деревьях’ (Вель, К-Б, К-Г, Ник, Уст), ‘метель, выюга’ (В-Т) [КСГРС]⁵⁹.

Фонетически соотносимый с *похта* термин *пахта* неоднократно зафиксирован на Русском Севере, в прилегающих районах Карелии и Костромской области в наименованиях болот: в самостоятельном употреблении, в топонимах-словосочетаниях и в роли детерминанта сложных топонимов, ср.: *Пахта*; *Чистая Пахта*; *Валдапахта*, *Гойпахта*, *Лайпахта*, *Лепакта* и др. [Захарова, 2012: 187]. Топонимы с детерминантом *-пахта* отмечены к западу от Онеги, в бассейне Суды, а также западнее нижнего течения Северной Двины и Ваги.

Установить ареальную дистрибуцию терминов *похта* и *пахта* в топонимии достаточно трудно, поскольку в большинстве случаев они являются детерминантами сложных топонимов и находятся в безударном положении, т. е. в позиции неразличения. Следовательно, при установлении ареальных отношений достоверными могут считаться только данные, отражающие функционирование термина в самостоятельном топонимическом употреблении и в топонимах-словосочетаниях. Судя по этим данным, вариант *похта* преобладает в Белозерье: бол. *Лундозерская Похта*, бол. *Морозерская Похта*, бол. *Моховецкая Похта*,

⁵⁹ Интересно, что последний вариант слова отмечен также на Северном Урале, ср. *пухта* ‘снег на ветвях деревьев’ (Сев. Урал, Свердлов.), ‘мох, лишайник, растущий на ветвях деревьев’ (Сев. Урал) [СРНГ, 33: 165].

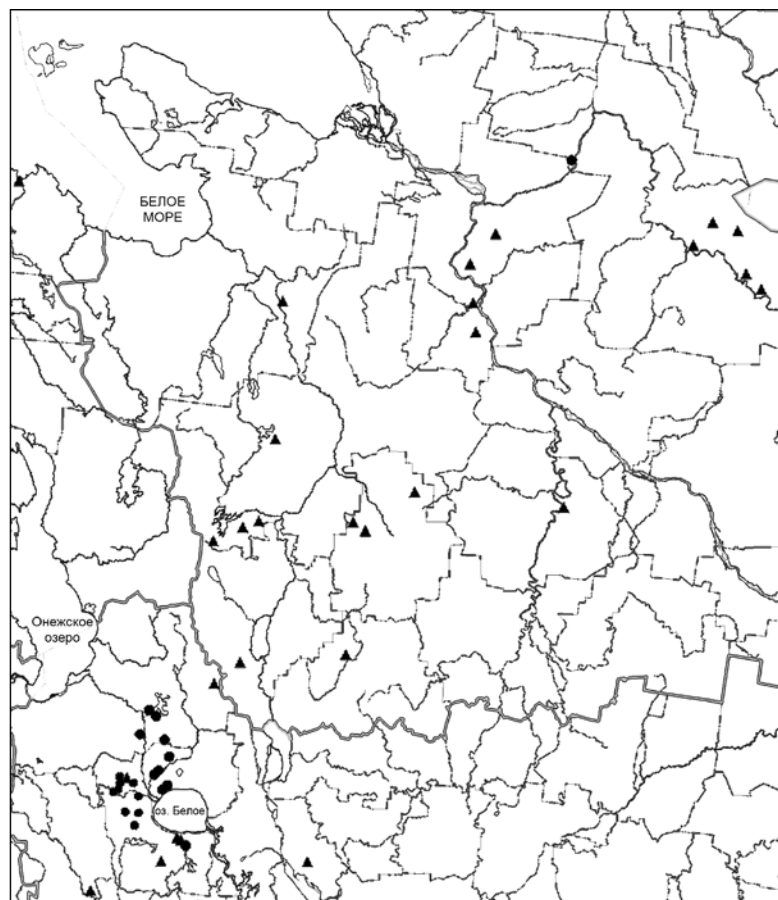
бол. *Пахмозерская Похта*, бол. *Сотозерская Похта*, пок. *Тоозерская Похта* (Бел); бол. *Большая Похта* и *Маленькая Похта*, бол. *Вешкомская Похта*, бол. *Ковжинская Похта*, бол. *Похта*, бол. *Соколя Похта*, бол. *Ярбозерская Похта* (Ваш); бол. *Похта*, бол. *Ужельская Похта* (Выт).

Вариант *пахта* распространен на более широкой территории — в бассейне Пинеги и Северной Двины, а также на северо-востоке Костромской области: бол. *Вальдёвская Пахта*, бол. *Пахта*, бол. *Пахта Чордовская* (Пин); бол. *Пахта*, бол. *Чистая Пахта*, оз. *Шупахта* (*Шупохта* < **Шубпохта*⁶⁰) (Холм), пок., руч. *Пахта* (Ней). При этом из-за отсутствия дифференцирующих примеров невозможно сделать окончательный вывод о характере гласного в первом слоге термина в Кенозерье, в бассейнах Онеги и Моши и в ряде других мест, ср.: бол. *Нешпахта* (*Нешпохта*, *Нежпохта*) (Карг); р., руч. *Пошпахта* (Кон); бол. *Вайпахта* (*Вайпохта*), бол. *Лумпахта* (Нянд); бол. *Торпохта* (*Торпахта*) (Он); бол. *Вайлапахта*, бол. *Валгапахта* (*Валдапахта*), бол. *Гойпахта*, бол., оз. *Лёпахта* (Плес); б. д. *Колпохта* (*Колпахта*) (У-Куб) и др. Отметим, что изредка термин встречается в качестве атрибута сложных топонимов, ср. пок. *Пахтабал* (Бел), оз. *Пахтозеро* (Бел, Нянд, Шенк). В связи с ареальной дистрибуцией рассматриваемых вариантов термина см. карту 4.

При всей неоднозначности представленная ситуация, тем не менее, дает основания для реконструкции в субстратном языке Белозерья оригинального ландшафтного термина с финно-угорскими истоками⁶¹.

⁶⁰ В данном случае реконструкция топоосновы опирается на фиксацию смежного названия *Шубпожня*.

⁶¹ Выдвигавшаяся ранее версия о связи этого ландшафтного термина с приб.-фин. *pehka, pehku, pehko, pehk* ‘гнилая трухлявая древесина’, фин. *pehkestyä*, вепс. *pehkestuda* ‘плесневеть, преть, гнить’ [Муллонен, 2002: 64; Захарова, 2012] нуждается в дальнейших доказательствах, поскольку содержит некоторые ареальные противоречия.

Карта 4. Термины похта и пахта в топонимии Белозерья

- — топонимы с компонентом похта
- ▲ — топонимы с компонентом пахта

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в случае с известным в топонимии Белозерья ландшафтным термином *лохта*, для которого имеется более широко распространенный вариант *лахта*, соответствующий современным прибалтийско-финским данным, ср. фин., ливв. *lahti*, люд., вепс. *laht*, карел. *lakši, laksī*, эст. *laht* 'залив' = саам. швед. *luokta*,

luokta, Луле *luokta*, саам. норв. *luokta*, Инари *luoh̄t*, кильд. *lūxt* 'залив' [SKES: 269].

-лахта: уроч. Кукалахта, залив Риблахта (Рыблахта), залив Юрлахта;

-лохта: залив Вальнехта < Вал(ь)лехта < Вальлохты, залив Куколохта (Куоловка), залив, бол., оз., мыс Рыблахта, залив Юрлахта.

Термин известен в виде детерминанта сложных топонимов, где он является безударным, в результате чего все топонимы записаны и с вариантом *-лохта*, и с вариантом *-лахта*. Поэтому верифицирующим можно считать лишь название д. *Лохта*, где гласный находится в сильной позиции. Карта, отражающая распределение вариантов *лахта* и *лохта* в лексике и топонимии, представлена в [Матвеев, 2001: 339].

Отдельного внимания заслуживает функционирование в топонимии Белозерья детерминанта **-мень**, поскольку в таком варианте он имеет только два ареала бытования: Белозерье и Пинежье. В топонимии Белозерья детерминант употребляется преимущественно по отношению к островам на болоте и сельхозугодьям: пок. *Ваносмень*, о-в на бол. *Дальний Ваносмень*, о-в на бол. *Вашкомень*, б. д. *Веромень*, о-в леса *Верумянка* (*Вырумянка*) (< **Веромень*), лес *Келдомень*, поле, лес, уроч. *Кызгомень*, мыс, пок. *Остромень*, пок. *Падомень*, о-в на бол. *Полосмень*, мыс, о-в, лес *Пыжемень*, бол., уроч. *Рыдомень*, уроч. *Устомянка* (< **Устомень*), мыс, уроч. *Чагомень*, о-в леса на бол. *Шундомень*, бол., поле *Ягломень*, бол. *Яшкомень*.

Детерминант **-мень** традиционно считается фонетическим вариантом более широко распространенного детерминанта **-нем**. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что топонимы с детерминантом **-мень** образуют зоны плотного скопления в юго-западном Белозерье и в бассейне Пинеги, а за пределами этих ареалов встречаются очень редко. Возможно, это свидетельствует либо об одновременном освоении юго-западного Белозерья и бассейна Пинеги русскоязычными поселенцами (поскольку результаты преобразования топонимов идентичны), либо о том, что сами исходные топонимические

системы были близки друг другу (между Белозерьем и бассейном Пинеги имеется и ряд других топонимических параллелей). Ранее считалось, что эта близость может объясняться карельским влиянием, однако, судя по нашим примерам, речь идет о более древнем взаимодействии. Следует также обратить внимание на то, что, в отличие от прочих случаев употребления детерминанта *-мень*, в юго-западном Белозерье более половины топонимов на *-мень* применяется для обозначения островов на болоте. Основы этих топонимов с трудом поддаются этимологизации. Некоторые из них имеют прибалтийско-финские параллели: *Вашкомень* — ср. фин., карел. *vehka* ‘белокрыльник’, вепс., люд. *vehk* ‘вахта трехлистная’ [SSA, 3: 421]⁶²; *Веромень* — ср. карел. *vieri*, люд. *vier*, вепс. *ver* ‘бок, край, сторона’ [Ibid.: 434]; *Падомень* — ср. фин., карел. *pato*, вепс. *pado* ‘плотина, запруда’ [SSA, 2: 324]. Другие топоосновы соотносятся с саамскими данными: *Ваносмень* — ср. прасаам. **venes*, саам. сев. *vânâs*, Инари *voonas*, колт. *võdnâs*, кильд. *vēns*, тер. *vons* ‘лодка’ [Lehtiranta, 1989: 142–143]; *Пыжемень* — ср. прасаам. **pesē*, саам. сев. *bâsse*, Инари *pase*, колт. *pââ’ss*, кильд. *pâ’ss*, тер. *ps̥še* ‘святой’ [Ibid.: 96–97]; *Шундомень* — ср. прасаам. **suntē* (< прибалт.-фин.), саам. норв. *sud’de* ‘талый’ [Ibid.: 126–127]. Основы топонимов этой группы имеют параллели среди топонимов Белозерья с другими детерминантами, ср. *Кызгомень* и *Кызголойда*, *Вашкомень* и *Вашкозеро*, *Келгомень* и *Келгозеро*, *Рыдомень* и *Рыдоги*, *Чагомень* и *Чагода* и др., что позволяет относить эти названия к одному хронологическому пласту.

Необходимо отметить, что в юго-западном Белозерье детерминант засвидетельствован также в варианте *-нем*. Объекты, называемые с его помощью, разнообразны: мыс, пок., уроч. *Воз(ь) нем* (также *Возьмин*), о-в *Вышнем*, б. д. *Сюрнем*, мост *Сюрнемский мост*, но и *Сюрмин*, *Сюрмино*, *На Сюрмине*, *У Сюрминского моста*; ср. также б. д. *Немгор*, руч. *Немец* — ср. фин., карел.

⁶² Фонетическое своеобразие топоосновы *Вашк-* свидетельствует, видимо, о ее более глубоких, чем собственно прибалтийско-финские, этимологических истоках.

niemi, люд. *niem(i)*, вепс. *net* ‘мыс’, вод. *net* ‘мыс, луг на берегу’, эст. *neet* ‘мыс’ [SSA, 2: 216]. Несмотря на то что названия на *-нем* хорошо соотносятся с прибалтийско-финскими данными, в языковом отношении их невозможно определить каким-то более конкретным образом. Лишь атрибутивная часть названия б. д. *Сюрнем* может быть соотнесена с прибалт.-фин. *surjä* ‘бок, край, конец’, ‘горка, холм, возвышенность’, тогда как основы топонимов *Вознем* и *Вышнем* не этимологизируются из прибалтийско-финских языков.

Детерминант *-бой/-буй* также имеет белозерскую (в широком смысле) географию. В топонимии юго-западного Белозерья он отмечен в следующих названиях: руч. *Избой*, руч. *Кибуй* (*Кибой*, *Тибой*), о-в на бол., угодье *Кузобой* (*Кузобай*, *Кузев*, *Кузевово*), руч., о-в на бол. *Лёдбой*, руч., оз. *Ольхобой*, мыс, р., уроч. *Солбуй*, р., руч. *Чужбойка* — ср. фин., карел., люд., вепс., эст. *oja* ‘ручей’, ‘канава’, лив. *v(u)ojā* ‘заполненная водой ложбина’ = саам. *viâjj* (кильд., йок.) ‘ручей’ (? < фин. или карел.) [SSA, 1: 262]; ср. также саам. *uoij*, *oj*, *vuoi*, *uaj*, *vuai* ‘ручей’ [KKLS: 765]. Представляется, что в Белозерье следует учитывать прежде всего саамские данные. Наиболее многочисленны названия с детерминантами *-бой/-буй* именно в Белозерье, а также между озерами Воже и Лача. Очевидно, что детерминант имеет параллели на более западных территориях, в субстратной топонимии на *-ой*, *-оя*, связанной по происхождению с прибалт.-фин. *oja* ‘ручей’.

К числу типично белозерских относится и детерминант *-бал*, фиксируемый на этой территории преимущественно в ойконимах: б. д. и куст деревень *Андобал* (*Андопал*), куст деревень *Вадбал* (*Ватбал*), б. д. *Кодобал*, б. хут., уроч. *Сянобал* (*Чанобал*), д. *Турпал*. Два первых ойконима этого ряда зафиксированы как местности *Андопал* и *Вадбал* уже в документах XV в., причем на их древность и значимость для региона указывает то обстоятельство, что они являются центрами погостов XV–XVI вв. — Успенского и Егорьевского / Георгиевского соответственно. Истоки форманта, ареал которого простирается от Мезени и Кулоя на северо-востоке до Костромской, Ярославской, Владимирской и Московской областей на юго-западе, обсуждались многократно.

Исследователи в целом солидарны в том, что имеется в виду термин, обозначающий поселение, свойственный целому ряду финно-угорских языков, в том числе утраченным мерянскому, севернофинским, чудскому [Матвеев, 2001: 206–211; Альквист, 2000; Шилов, 2001б: 17–26; Saarikivi, 2006: 32].

Как показывает анализ материала, в топонимии рассматриваемой нами зоны присутствует и доприбалтийско-финское, и явное прибалтийско-финское наследие, хотя его истоки неоднозначны. Близость вепсской этноязыковой территории служит убедительным основанием для поиска на Андозере собственно вепсского наследия. При этом, однако, далеко не все этимологические интерпретации укладываются в соответствующий вепсский ряд — как топонимический, так и собственно языковой; при анализе названий встречаются определенные фонетические сложности. Наиболее перспективными поиски вепсского топонимического наследия оказываются среди топонимов-полукалек, таких как *Маткозеро* — ср. вепс. *matk* ‘путь, расстояние’ [СВЯ: 322], *Сывозеро* — ср. вепс. *sivä* ‘глубокий’ [Там же: 536] и др. В поисках общего прибалтийско-финского наследия значимы топонимы с формантом *-Vч*: руч. *Варбач* — ср. фин. *varpu*, карел. *varpa*, вепс. *varb* ‘ветка, прут’ [SSA, 3: 411]; оз. *Конач* — ср. карел. *kuopra*, вепс. *kor* ‘яма’ [Ibid., 1: 441]; оз. *Ланач* — ср. фин. *lappea*, карел. *lape-*, вепс. *lapt* ‘боковой, расположенный сбоку’ [Ibid., 2: 48] и др. В то же время ни один из названных топонимических типов не является исключительно вепсским, а некоторые топонимы имеют только саамские параллели при отсутствии прибалтийско-финских: оз. *Карасозеро* — ср. саам. *kāreš* ‘узкий, тесный’ [KKLS: 93] (ср. также этимологию, предложенную для топонима *Карасозеро* в Заонежье [Муллонен, 2008: 164]); д. *Шубач* — ср. прасаам. **supē*, саам. сев. *suppe*, Инари *supe*, колт. *sui’pp*, кильд. *su’bb* ‘осина’ [Lehtiranta, 1989: 126–127] и др.

В исследованиях последнего времени высказывается перспективная мысль о том, что до славянизации Белозерье могло входить в ареал южной группы прибалтийско-финских языков, что подтверждается, в частности, реконструкцией в топонимии средних по подъему прибалтийско-финских гласных

[Saarikivi, 2006]. Кроме того, сосуществование внутри одного топонима структур с «финскими» и «саамскими» компонентами (*Ваносмень*, *Шундомень*, *Кибой* и т. п.) позволяет предполагать бытование на Андозере особого языка прибалтийско-финско-саамского типа. Выше было показано, что топонимический материал содержит некоторый ряд ландшафтных терминов, детерминантов и атрибутивных элементов сложных топонимов, которые допускают саамскую этимологию. При этом, однако, все выявленные элементы относятся к финно-угорскому пласту саамской лексики, который продолжается и в саамских, и в прибалтийско-финских языках. Среди них нет убедительных следов второй составляющей саамского языкового наследия — так называемого протосаамского компонента, который исследователи в последнее время склонны характеризовать как палеоевропейский (впервые в работе [Aikio, 2004]). В этом случае встает вопрос о правомерности отнесения белозерского материала к сугубо саамскому наследию. Видимо, речь должна идти о финно-угорском языке, относящемся к западной группе уральской языковой семьи, который, с одной стороны, не поглотил субстратный языковой элемент (условно палеоевропейский), являющийся существенным маркером саамской речи, а с другой стороны — не испытал в полной мере германского воздействия, которое сыграло принципиально важную роль в формировании прибалтийско-финских и (в определенной степени) саамских языков. Очевидно, формирование собственно саамских и прибалтийско-финских языков происходило к северо-западу от Белозерья.

В этом контексте надо полагать, что и некоторые прибалтийско-финские дистрибутивные элементы, свойственные топонимии Белозерья, в действительности могут интерпретироваться не как собственно прибалтийско-финские, проникшие в Белозерье с «финским» (в широком плане) продвижением, но как восходящие к местному белозерскому финно-угорскому языку. Особенно показательны в этом плане сложные топонимы с белозерскими детерминантами, в которых атрибут генетически должен быть либо старше детерминанта, либо одного возраста с ним. Поэтому, например, методически неверно искать

собственно прибалтийско-финские этимологии для топонимов с детерминантами *-солово* или *-бой* — даже при том, что для их интерпретации могут привлекаться прибалтийско-финские данные. Так, в названии ручья *Кибой* атрибутивный элемент *ки-* в принципе сопоставим с приб.-фин. *kivi* ‘камень’, однако в связке с белозерским детерминантом он должен быть отнесен к языку белозерцев, в котором присутствовала древняя лексема, известная и большинству современных финно-угорских языков⁶³. В этой же парадигме должен рассматриваться атрибут топонима *Кузебой* (ср. приб.-фин. *kuusi* ~ *kuz*’, саам. *guossâ* ‘ель’) с глубокими финно-угорскими и даже уральскими корнями [SSA, 1: 460] и некоторые другие случаи. Подобный генезис А. К. Матвеев предполагал для андомозерских топонимов *Лохта*, *Солмас*, а также для топонимических элементов *-нем(а)* и *-мень*, которые, расшифровываясь на основе данных прибалтийско-финских языков, в действительности могут представлять собой реликты утраченного языка [Матвеев, 2001: 182–183].

Для решения вопроса о принадлежности топонимов к конкретному «финскому» языку необходимо дать ответ на сложный вопрос об этноязыковых истоках субстратной до-вепсской топонимии, чтобы установить критерии ее отличия от вепсской, а также более тщательно разработать механизмы усвоения вепсской топонимией предшествующего пласта названий. Не менее существенно найти убедительные обоснования, особенно ареального плана, восточных границ южной группы прибалтийско-финских языков.

На представленном выше прибалтийско-финско-саамском фоне топонимы с волжско-финскими / мерянскими корнями не столь очевидны — прежде всего, в силу относительно слабой изученности финно-угорского субстрата Верхневолжья, а также потому, что волжско-финский / мерянский слой «перекрывает» более поздними напластованиями. Надо полагать, что эти

⁶³ В саамских языках для обозначения камня используется лексема *gæd'ge* < **kædkē*, которая рассматривается как протосаамское наследие [см., например: Saarikivi, 2006: 207–208].

древнейшие субстратные факты следует искать среди речных наименований, большинство из которых в настоящий момент не поддается этимологизации, ср.: *Быча*, *Вайка* (*Ваетка*, *Ватка*), *Кустова* (*Куштовка*, *Кушева*, *Куштоба*), *Лянга*, *Мига*, *Молменка*, *Шулма*, *Шуньжоп*. Нет пока удовлетворительной этимологии и для потамонима *Андога* [см.: Матвеев, 1995; Шилов, 2001a]. В этом контексте определенный интерес представляет название реки *Визьма*. Будучи одним из значительных притоков Андоги, *Визьма*, тем не менее, уступает ей в размерах, в силу чего название с осторожностью может быть вписано в ряд поволжских (басс. р. Ока) гидронимов *Вязьма*, *Вяземка*, *Вязера*, *Вязьрь* и др., в которых реконструировано мерянское / муромское **vāz* ‘маленький’ [Rahkonen, 2013: 209]. Слово имеет убедительную волжско-финскую этимологию, а также устойчивый ареал, в том числе в Верхнем Поволжье. Фонетический облик белозерского названия (гласный *и* в основе) может быть вызван особенностями адаптации.

Из озерной гидронимии интересующей нас зоны наиболее перспективно в контексте поволжских связей название озера *Ухтомъярское*, в основе которого лежит фин.-угор. **ukti* ‘путь, дорога’ [Sammallahti, 1988: 537], многократно актуализированное в наименованиях водораздельных озер и рек и маркирующее древние волоки. Ареал топоосновы широк, а его уплотненный центр тяготеет к Верхнему Поволжью, что дает основания считать модель мерянской [Rahkonen, 2013: 207–208]. Озеро *Ухтомъярское* расположено на северной границе бассейна Андоги, в которую оно стекает по р. Маттерка (на старых картах р. Ухтома), и лишь незначительный по протяженности водораздел отделяет его от реки Тойцы, текущей на север в Мегру и далее в Белое озеро. В этой цепочке показательно название реки *Маттерка*, в котором скрывается лимноним, т. е. название того озера, из которого река вытекает: это прибалтийско-финское **Mat'lar* < **Matkjärv* «Волоковое озеро» (ср. элемент *-яр-* в *Ухтомъярское* < **Uhtomjärvi*). Перед нами, таким образом, два названия одного озера: *Ухтомъярское* и **Mat'lar*, из которых второе, этимологически прозрачное, является переводной прибалтийско-финской

калькой первого, т. е. топоосновы *uht-* и *matk-*, имеющие разные языковые истоки, семантически идентичны. Основа *matk-* в названии водораздельного озера (**Mat'ar*) достаточно однозначно свидетельствует о том, что волок из бассейна Андоги на Белое море использовался и в прибалтийско-финское время.

С другой стороны, ареал обеих приведенных выше основ (**vüz*, **ukti*) выходит за пределы Белозерья на север, в частности в Карелию, что указывает на продвижение населения за северные пределы Белозерья. Это, в принципе, укладывается в гипотезу о западной группе уральских языков (современные мордовские, саамские и прибалтийско-финские языки), имеющих общие праязыковые истоки.

Таким образом, поиск топонимических границ, которые часто совпадают с природными и культурными границами, в Белозерье представляется достаточно перспективным. Анализ рассмотренных географических терминов, представленных в виде детерминантов сложных топонимов, показывает, что некоторые из них — сугубо белозерское явление, другие же имеют соответствия на смежных севернорусских территориях в виде фонетических вариантов, что может свидетельствовать о разном времени усвоения терминов или об их разных языковых истоках. Отдельные детерминанты, представленные в Белозерье, фиксируются и в Пинежье, что косвенно указывает на некие параллели (временные или языковые) в освоении данных территорий. Ряд белозерских терминов составляет оппозицию прибалтийско-финским, тем самым маркируя границу между территориями расселения вепсского и дорусского населения Белозерья, этноязыковую принадлежность которого еще предстоит выяснить.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ ОЗЕР И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

А. А. МАКАРОВА

В настоящее время северо-запад Белозерья (некоторые населенные пункты Бабаевского района Вологодской области) представляет собой зону вепско-русского двуязычия, где происходит активное взаимодействие между контактирующими топонимическими системами, а большинство параллельных названий известны как русскому, так и вепсскому населению. В русской топонимической системе рассматриваемой территории, кроме собственно русских названий, присутствует значительный пласт субстратной топонимии прибалтийско-финского и саамского происхождения [Матвеев, 2004: 230–231]. В вепсской топонимической системе, кроме собственно вепских названий, выделяется субстратная топонимия саамского (соотносимого с прибалтийско-финско-саамским языковым состоянием) и волжско-финского происхождения [Муллонен, 2002: 181–182].

Такая этноязыковая ситуация провоцирует появление параллельных названий и создает благоприятные возможности для изучения этого номинативного феномена в лингвогенетическом и контактологическом аспектах. Объект анализа — параллельные названия озер Белозерья (всего около 220 рядов), являющиеся фактами русской и вепсской топонимических систем.

Обычно параллельные названия образуют пары, но иногда и целые ряды топонимов, состоящие из трех-четырех членов (около 18 % случаев). Внутри рядов соотношение топонимов по происхождению может быть различным: субстратное и собственно русское название (*Пáвшозеро* // *Алёшинское*), субстратное и собственно вепсское (*Šalg'är'v* // *Sur'g'är'f*), вепсское и русское (*Hiinjärv* // *Сенно́е*), субстратное и субстратное (*Сýкозеро* // *Сáйма*), русское и русское (*Кичагóвское* // *Топорóво*), вепсское и вепсское (*Mustjärv* // *Mironanjärv*), вепсское, субстратное и русское (*Pühär'jäv'v* // *Пүгозеро* // *Пóстное*) и т. п.

При лингвогенетической атрибуции параллельных названий необходимо учитывать ряд обстоятельств. Так, для некоторых